

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'38

РИСКИ СПОРА И РЕЧЕВОЙ ЖАНР СОВМЕСТНОГО ПОИСКА СОГЛАСИЯ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Сама природа спора склоняет нас к невольному сосредоточению на доказательствах собственной правоты. Речевой жанр совместного поиска согласия предполагает решение иной коммуникативной задачи. Главное условие решения – естественное расположение к собеседнику и усилия над собой, связанные с готовностью – ради достижения взаимного понимания – идти на вероятные разумные уступки другому участнику поисковых инициатив.

Ключевые слова: риски, общение, феномен спора, взаимный поиск согласия как речевой жанр.

Risks of Argument and the Speech Genre of Collaborative Search of Agreement

V. V. Prozorov

The nature of argument itself inclines us towards an involuntary concentration on proving that we are right. Speech genre of collaborative search of agreement presupposes solving a different communicative task. The main condition of the solution is being naturally predisposed in favour of the interlocutor, and exerting oneself to be ready – for the sake of achieving mutual understanding – to make probable reasonable concessions to another participant of search initiatives.

Key words: risks, communication, argument phenomenon, collaborative search of agreement as a speech genre.

Сокращение рисков может означать удачное предугадывание, осторожное предупреждение и посильное преодоление явлений и ситуаций, чреватых опасной по своим последствиям разрушительной силой.

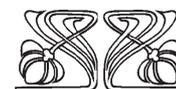
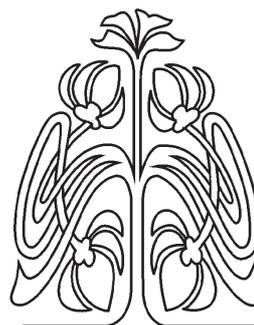
Общение – сверхуниверсальное понятие, касающееся прочной и вместе с тем хрупкой основы человеческого бытия. Жизнь индивидуальная вне общения теряет разумный смысл. Общение намечает путь к сближению, а может увеличивать риск разочарования и отчуждения. Желанное общение – соприкосновение, совпадение и требующее больших внутренних усилий обретение **общего** пространства интересов, стремлений, забот, общего языка.

В повседневной практике нередко сталкиваемся с безутешными заключениями: «У меня с ним нет общего языка» или «Мы говорим с тобой на разных языках!». Или: «Ты меня не слышишь!», «Ты не хочешь меня понять!». Или (в масштабах политических и геополитических) «Переговоры прерваны: стороны разошлись, так и не найдя согласия в самых важных, ключевых вопросах».

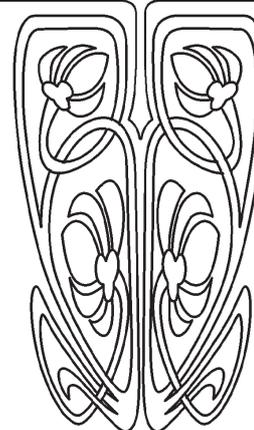
С полуслова понимают друг друга субъекты переговоров, сплочённые общими (не всегда праведными) целями и интересами.

Известен и такой психологически достоверный тест. Рядом человек, с которым легко не только беспрерывно стрекотать обо всём на свете, но и молчать. И если молчание (тем более продолжительное) не угнетает, не становится тягостным, но невольно наполняется многозначительным и трогательным содержанием, верная примета: рядом – близкий человек.

Риски ссор и распрей, риски семейных, любовных, социальных, политических, экономических и других конфликтов – прямое или косвенное следствие того, что люди оказываются не в состоянии обрести

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

общий язык согласия, что легко и бесповоротно сбиваются они на глухой язык навязчивой подозрительности, жёсткой нетерпимости и откровенной вражды.

О феномене спора существует огромная философская, психологическая, филологическая литература. Описано все многообразие искусства спора: простой и сложный спор, сосредоточенный и беспорядочный, письменный и устный, без слушателей и при слушателях. Охарактеризованы цели и мотивы спора, его условия и этапы, позволенные и непозволенные приёмы.

Принципиальный и нелюбимый спор с незапамятных времен провозглашается инструментом поиска и обретения (рождения) истины. Стало общим местом полагать спор надёжным способом продвигания к объединяющей идеологической, социально-политической, воспитательно-образовательной, семейной платформе. Очевидное и коварное заблуждение! Невдомёк, что в любом (тем более горячем, темпераментном) споре позиции сторон намеренно, для пущей ясности, упрощаются и обедняются.

Важное уточнение: мы не говорим сейчас о сознательных установках на обман, на хитроумное сокрушение и шельмование оппонента. Примеров коварных демагогических споров и псевдодискуссий в истории цивилизации видимо-невидимо. Мы имеем в виду лишь споры субъективно искренние и честные, лишённые лукавой подкладки. Отдаём себе отчёт, что в нашем представлении возникает этически безупречная модель спора.

И тем не менее участники честного спора, веря в справедливость собственных эмоционально-логических построений, невольно и старательно заняты тем, чтобы чётче, рельефнее обозначить аргументы, выстроить их в привлекательную для другой стороны систему. И, как писал Саша Черный в стихотворении «Споры» (1908), «каждый прав и каждый виноват»: «Вновь забытый образ вырастает: // Притаилась Истина в углу, // И с тоской глядит в пустую мглу, // И лицо руками закрывает...». Каждый подбрасывает в костёр своей правоты новые всепобеждающие резоны, словно бы опрокидывающие «заблуждения» другой стороны. И чаще всего каждый по-своему прав.

Вот пример невинного домашнего диалога-спора воспитателя и воспитуемого:

– Сиди прямо и не балуйся! И книгу удобно держи перед собой. Вот так! Теперь и свет падает правильно!

– Я устал... Я не хочу читать... Я лучше завтра...

– Ну и что, что устал... И вчера не читал, и позавчера... И сегодня целый день бездельничал! Можно и за книжкой посидеть! В твои годы я столько успел (а) уже прочесть!

– Я не бездельничал, я своим делом был занят!

– Знаю я твои дела!

– Ну нет у меня сейчас настроения...

– Нет, так появится: в окно меньше смотри!..

День ото дня ведутся вялые и нудные пререкания по заведомо отлаженным схемам и по разным житейским поводам. И дело не в том, что споры эти примелькались. Само целелеполагание любых честных споров представляется напрасным и бессмысленным. В приведённом примере один из участников диалога убежден (с неопровержимой опорой на собственный взрослый опыт) в пользу чтения. Другой (в упрямой и стойкой подростковой самозащите) уверен: скука – дурной спутник времяпрепровождения. Каждый говорит о своём и не слышит собеседника. Давно сказано: спорить легче, чем понимать. Проще говорить своё, не пробуя слышать другого.

Утрированно комический пример такого намеренного спора глухих – диалог Чебутыкина и Солёного в «Трёх сёстрах» А. П. Чехова:

Чебутыкин <...>. И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – чехартма, мясное.

Солёный. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой, чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Солёный. А я вам говорю: черемша – лук.

Чебутыкин: А я вам говорю: чехартма – баранина.

Солёный. А я вам говорю: черемша – лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Солёный. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.

Андрей (умоляюще). Довольно, господа! Прощу вас!¹

Столь же безнадежны (при всей разности масштабов, предлогов, близких и отдалённых последствий) публичные споры духовно-нравственного и социально-политического рода. В истории им несть числа. Вспомним, к примеру, напряжённый и трагически страстный диалог-спор Гоголя и Белинского.

Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) пишет о христианском смирении и назначении человека. И о тщеславной гордыне ума, о её пагубности, о неосмотрительном самолюбании человеческом. Гоголь свято верит в чудеса душевного исцеления, предлагает строгие, кропотливые способы лечения от нравственных язв и пороков, жадно пожирающих человека.

Белинский и его друзья – в добровольном плену идей социально-политического прогресса в духе западной цивилизации. Белинского одушевляют «права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение». Исполнена пламенного гнева его отповедь Гоголю: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною...»².

Гоголь, потрясённый жёсткой безоговорочностью суда Белинского, пробует объясниться: «Не стану защищать мою книгу. Как отвечать на которое-нибудь из ваших обвинений, когда все они мимо? Я сам на неё напал и нападаю. Она была издана в торопливой поспешности, несвойственной моему характеру, рассудительному и осмотрительному. Но движение было честное. <...> Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. <...> Гнев оуманил глаза ваши и ничего не дал вам увидеть в настоящем смысле»³.

Стороны находятся на разных этажах миропонимания и мироощущения, говорят на разных наречиях. Одних волнуют политические проблемы, основы общественно разумной организации жизни, «громкие права» личности, другие видят спасение отечества в возрождении души человеческой (Гоголь: «Весь мир не полюбишь, если не начнёшь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчать тебя»⁴). Одни мечтают о справедливом для своей страны социальном переустройстве, другие надеются на обретение ключа к собственной душе, на переустройство внутреннего мира человека.

Вековечное противословие не слышащих друг друга. Споры часто ведутся не ради уяснения вопроса и не ради того, чтобы переубедить оппонента. В пылу споров редко даётся умение (в нашем случае смиренно присущее Гоголю) переспрашивать самого себя, трезво оценивать безупречную внятность собственных построений. Целью спора невольно становится азартное сокрушение противника, безусловное торжество «моей истины», победа ради победы. Совсем как в «Стихах о разнице вкусов» В. В. Маяковского (1928):

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:
«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».
Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь разве ты?!
Ты
просто-напросто –
верблюд недоразвитый».
И знал лишь
Бог седобородый,
что это –
животные
разной породы.

Каждый в страстном споре ограничен пределами собственных представлений о сущем и должном. Ускользает спасительная мысль о беспредельном многообразии мира.

В напряжённом споре – ненадёжная коммуникационная проводка: он постоянно искрит. В жарком споре истина, как правило, испаряется. Спорящие, наговаривая «весьма много дичи» (Гоголь), упоены горячей поддержкой окружающих, собственными ораторскими и полемическими пируэтами. Шумный, гневливый спор-тупик увеличивает риск непонимания, разъединения, враждебного противостояния. Предельно ожесточённый темп спора вступает в противоречие с представлениями об умственной опрятности и аккуратности.

Давно замечено: верх в споре одерживает тот, кто способен вовремя от него уклониться. Хочешь обрести в ком-то недруга – яростно спорь с ним, пробуй переспорить, сосредоточь на этом все свои внутренние ресурсы, разворачивай стройные ряды аргументов, предъявляй всё новые резоны – до предельной хрипоты, до надрыва, до полного изнеможения.

Н. А. Бердяев уверял, что такой спор не только бесцелен, но и в высшей степени вреден. Мы становимся свидетелями почти неизбежного выпрямления своей позиции. Чувствительный урон наносится собственным дорогим идеям и опорным ценностям. В трактате «Смысл творчества» читаем: «Вечное требование доказательств – требование пониженного духовного общения, внутренней разобщённости, при которой всё ощущается как необходимость, а не как свобода»⁵. И ещё: «Доказывают лишь врагам любимой истины, а не друзьям»⁶.

Так надо ли вообще доказывать «любимую истину» врагам этой истины? Есть ли в этом какой-то смысл? Может ли довести до доброго результата спор о дорогих для тебя ценностях, если очевидно, что другая сторона, к сожалению, тебя не может или не хочет услышать? Как быть?

Ответ прост: не надо спорить. Не надо спорить с тем, от кого не будет благодатного сочувствия тебе в отстаивании дорогих для тебя откровений. Истину, открытую и пострадавшую тобой, по-настоящему доброжелательно и трепетно относящийся к тебе человек поймёт мгновенно, на лету и часто без всяких слов. Уклоняйся от споров по вопросам, действительно близким и родным. Не переспоришь! На душе только станет гадко. Лучше сказать или подумать: «Бог с тобой, оставайся при своём, не буду с тобой спорить!» Спор не поиск истины, а её ужесточение.

Если знакомый человек настойчиво требует доказательств очевидного и заветного («А ты докажи, что это так, что белое – белое, чёрное – чёрное! Докажи – докажи – докажи!»), чувствуешь: общение даёт заметную трещину, разламывается и крушится.

Когда, казалось бы, близкий человек не только не вслушивается в твою систему аргументов, не только не пытается понять тебя, но, напротив, с позиций явного превосходства и всезнайства победительно принимается демонстрировать про-

тивную тебе точку зрения, **риск разобщения** может стать чувствительным и даже необратимым. Как советовал Гоголь, «к спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся»⁷. Речевой жанр спора – тревожная зона повышенного риска.

Конечно, спорят не только ради посрамления оппонента, но и ради того, чтобы обратить в свою веру третью, не определившуюся силу. Ради третьей силы (а это и свои, и потенциальные, но колеблющиеся последователи, читатели, зрители, ученики, избиратели и т. д.) спор-критика, спор-игра превращается для каждой из оппонирующих сторон в попытку перетянуть на свою сторону новых единомышленников. Но это уже не спор в чистом виде, это (в режиме страстного диалога) демонстрация преимуществ своей системы ценностей и явного несовершенства системы ценностей противника. Таковы многочисленные диспуты – поединки – словесные дуэли – ток-шоу – публичные дебаты (в том числе и предвыборные дебаты политиков на современном телевидении).

Всегда был, есть и будет целительный спор – в науке. Целительный, если он безукоризненно выстроено, аргументированно объясняет собственную правоту и неправоту оппонентов. Такой спор, случается, бывает и страстным. Но в идеале, в перспективе – это продвижение познающей мысли, обнаружение правоты в сложнейших процедурах умопостижения мира. И потом, это спор в среде посвящённых, в среде, которая говорит на одном, общем языке своей научной отрасли.

Возможно ли вообще жить без спора? Сосредоточенно и тихо жить убеждённым в собственной правоте? Ни с кем не делаясь заветным и никого не обращая в своё представление о жизненных ценностях? Жить обиженным – не понятным и не услышанным? Тупик, выход из которого... Выход один – в искренних, единящих людей **взаимных поисках согласия**. Сам речевой жанр взаимных поисков согласия слабо описан и осмыслен в филологии, но животворная сила его вряд ли может быть оспорена.

Согласие – в данном контексте не столько чаемый окостенелый результат, сколько трудный диалогический процесс поиска истины. Процесс этот освящён доброй волей обеих (многих) сторон, пробующих уразуметь общее пространство взглядов, оценок, отношений. Поиск согласия – свободно объединяющая людей потребность в выработке общих созидательных ценностей, конструктивных принципов взаимоотношений, ответов на сложные вопросы. Потребность эта обусловлена некоторым изначальным сходством и близостью фоновых знаний и представлений.

Совместный поиск согласия предполагает решение коммуникативной задачи, первое условие которой – предупредительное внутреннее расположение к собеседнику и известные усилия над собой, связанные с вероятными компромиссами, с известными разумными уступками другому участнику поисковых инициатив. Известна

древняя притча о смирении в споре. Заносчивый спорщик, которому хитроумными логическими ухищрениями удавалось любой спор заканчивать в свою пользу, решил поспорить с настоящим мудрецом. «Если я переспорю еще и этого старца, то слава обо мне пойдет по всей округе», – решил глупец. Его привели к мудрецу, и спорщик высокомерно изрёк: «Я слышал о твоём уме, но уверен, что любую фразу, которую ты произнесёшь, я легко смогу оспорить, доказав, что я прав». – «Да, ты прав», – спокойно ответил старец. – «Нет, неправ», – запальчиво воскликнул спорщик... и осекся.

Поиск согласия – попытка выхода из собственной оболочки, из привычного кокона интересов, знаний, предубеждений, в котором мы комфортно обитаем, бескорыстное стремление к одолению нашей ограниченности пределами личного опыта. Иначе жизнь начинает складываться согласно басенной морали И. А. Крылова («Лебедь, щука и рак»): «Когда в товарищах согласья нет, // На лад их дело не пойдёт, // И выйдет из него не дело, только мука».

В любом общении присутствуют, по крайней мере, две стороны: Я и Другой. Слово «другой» словно бы намекает нам: в общении с **другим** существует тайная или явная надежда на счастливый шанс обретения друга. Каким образом, каким путём? Путём позитивной по своей направленности, неторопливой и терпеливой процедуры достижения взаимного понимания.

Может показаться, что имеется в виду речевой жанр переговоров. Но переговоры переговоров рознь. Одни (так называемые **мягкие**), действительно, ведутся с целью заключения согласованного компромиссного решения (хотя, как показывает практика, в международных отношениях именно мягкие переговоры часто оказываются малопродуктивными). Другие (**жёсткие** переговоры) предусматривают твёрдую и неколебимую ориентацию на позиции, как правило, игнорирующие интересы одной из сторон. В переговорах словно бы остаётся некая незримая перегородка. В переговорах важно, кто, кого и как переговорит.

Взаимный поиск согласия включает в свои пределы безусловно честные переговоры, которые ведутся ради достижения взаимовыгодного и справедливого положения вещей. Но взаимный поиск согласия – жанровое понятие более объёмное, чем «равновесные» переговоры.

Поиск согласия всегда востребован, трудно достижим и всякий раз уникален. Основывается он на добровольном отказе от слепого по своей природе самоуверения и стойкого ощущения неотразимой самодостаточности. Это, прежде всего, бесконечное разнообразие терпеливого и деликатного выстраивания отношений (счастливого обнаружения родства душ, как бы нечаянного соприкосновения и сближения, осторожного преодоления назревающих конфликтов) взрослых с детьми, взрослых друг с другом в семейных, дружеских, корпоративных и иных отношениях.

Такое кропотливое выстраивание отношений непроизвольно преодолевает человеческую замкнутость.

Приметы речевого жанра взаимного поиска согласия можно найти и в доброжелательном, сосредоточенном обмене заслуживающими вниманием профессиональными мнениями и суждениями ради уяснения взглядов на ту или иную проблему (речь идёт, например, об удачно, продуктивно организованных научно-исследовательских и образовательно-научных семинарах, чтениях, круглых столах и т. д.).

В этой же связи вспоминается трудная, но благодарная работа такой независимой структуры гражданского общества, как органы корпоративного саморегулирования (например в масс-медийной сфере). Саморегулирование понимается здесь как самостоятельная инициативная деятельность негосударственных институтов по разработке правил поведения и контролю за их соблюдением.

Это и групповые деловые игры, предпринимаемые в диалоговом режиме специалистами для принятия решений в чреватых рисками производственных ситуациях, и мозговые штурмы (или мозговые атаки), участникам которых – экспертам – предлагается высказывать как можно больше вариантов решения (задачи, проблемы, вопроса), в том числе, на первый взгляд, и невероятных (из числа высказанных идей согласованно отбираются самые удачные для использования их на практике). Это и разного рода интеллектуальные игры, предполагающие напряжённый командный поиск ответов на каверзные вопросы (например известная телеигра «Что? Где? Когда?»), и дискуссионные аналитические теле- и радиопередачи с участием группы приглашённых экспертов по определённой актуальной теме, и удачно проводимые мастер-классы – передача педагогом накопленного им творческого опыта при интерактивной включённости всех участников занятия.

В сущности, к жанру взаимного поиска согласия относится и достижение (оформление) огромного многообразия добросовестных сделок, то есть взаимовыгодных соглашений двух или нескольких субъектов (контрагентов), граждан и юридических лиц, в виде устного или письменного договора о проведении некоторых действий финансово-экономического, торгового, издательского и т. д. свойства. Характерные приметы совместного поиска согласия отчасти усматриваются и в мировом соглашении – договоре между истцом и ответчиком, в договоре, которым стороны путём взаимных уступок прекращают спор в своих правоотношениях.

Это (в идеале!) и сетевые форумы – многоголосые встречи в Интернете, где есть реальная возможность общаться друг с другом, делиться наблюдениями, впечатлениями, опытом, обмениваться полезной информацией и т. д.

Очень многое в указанных выше и других поисковых сценариях зависит от умения модератора

(ведущего) деликатно и ответственно направлять течение мыслей собравшихся и следить за неукоснительным соблюдением установленных норм поведения (в Интернете – сетевого этикета)⁸. В принципе, любое коллективное, ансамблевое сотрудничество (производственно-экономическое, научное, образовательное, политическое, театральное, спортивное и т. д.) может устремляться к совместному поиску согласия. Положительный результат здесь в огромной степени обусловлен способностями руководителей, топ-менеджеров, продюсеров, режиссёров, тренеров...

Непременная составляющая интересующего нас жанра – **этическая** по природе своей предрасположенность к внимательному, бережному отношению партнёров – участников диалога друг к другу. Речь идёт и о совершенно необходимых, доверительных этикетных формах обращения⁹. Обязательны добровольная установка на уважительное, участливое понимание другой стороны во всём объёме её доказательных построений, взаимно искреннее сосредоточение на движении мыслей собеседника, умение настроиться на волну его ожиданий и сомнений. Особенно – на волну его колебаний в собственной правоте. Побуждение к сомнениям – важный двигатель, мотор жанра, залог его полноценного самоосуществления.

Одно из насущных требований жанра – последовательная самодисциплина каждого из участников согласованного поиска. Как завещал Гоголь, «то же самое, что посоветовал другому, посоветуй себе самому; тот же самый упрёк, который сделал другому, сделай тут же себе самому <...> Если даже тебе случится рассердиться на кого бы то ни было, рассердись в то же время и на себя самого, хотя бы за то, что сумел рассердиться на другого. И это делай непременно! Ни в каком случае не своди глаз с самого себя»¹⁰. Обсуждаемый жанр – дело, требующее известных волевых усилий, самоограничений и уступок. В данной ситуации риск – дело благодарное.

Пространство речевого жанра взаимного поиска согласия не ограничивается собственно вербальным его осуществлением, но непременно включает в себя соответствующую поведенческую реакцию и факторы эмоционально-экспрессивного аккомпанемента. Поиску (если он осуществляется, что называется, с глаза на глаз) предшествует особая мимико-жестикационная тактика предупредительной готовности к взаимности. Это и располагающая к себе приветливая улыбка каждого из собеседников, и открытые жесты (отсутствие, к примеру, оборонного скрещивания рук на груди с усиленным сжатием пальцев в кулак и т. п.), и удобная поза без видимого угрюмого напряжения и усталого раздражения.

В процессе совместного поиска согласия стороны прибегают к перифрастическим речевым конструкциям при осторожном обозначении того, что может невзначай обидеть или оскорбить слух и вкус собеседника с точки зрения его конфесси-

ональных, национально-культурных, возрастных, гендерных и иных стереотипов и предпочтений. Коммуникативная заинтересованность проявляется в тактике терпеливого выслушивания противоположных аргументов.

Вербальные регулятивы в совместном диалогическом поиске истины могут быть самыми разнообразными:

«Вы думаете иначе? Вам кажется, я неправ? Я вновь охотно готов подумать над этим вопросом и обсудить его вместе с Вами».

«Что Вас в первую очередь не устраивает в моих, возможно, не очень внятно и точно выговоренных аргументах, что вызывает самое заметное несогласие?».

«Мы по-разному относимся к данному вопросу, но меня очень интересует Ваша аргументация. Я с большим интересом, внимательно Вас слушаю».

«Вы приводите любопытные аргументы, которые нельзя не учитывать. Есть смысл об этом подумать сообща».

«Вы много над этим думали – это прекрасно! А не кажется ли Вам всё-таки, что тут не вся правда? Давайте не станем спешить и взглянем на наш предмет с иной стороны».

«Не кажется ли Вам, что есть тут некоторые отчётливые изъяны в тех предлагаемых Вами построениях, относительно которых Вы высказали известные сомнения?»

«Может быть, Вы не стали по каким-либо причинам принимать в расчёт дополнительные доводы?»

«Может быть, стоит ещё раз вернуться к этому вопросу и рискнуть рассудить с Вами иначе?»

«Вы согласны с тем, что мы сообща сблизили наши представления о занимающем нас предмете?»

«Давайте попробуем подвести предварительные итоги обсуждения: мы не просто сблизили позиции, мы во многом обрели общую точку зрения на следующие важные вопросы, касающиеся предмета обсуждения...» и т. д.

Соблюдение условий успешного общения предусматривает постоянную ненавязчивую акцентировку на общих точках соприкосновения, на общих гранях и сторонах обсуждаемой проблемы. Преобладает лексика солидарного поощрения и откровенной признательности. Обе стороны (или несколько сторон) предусмотрительно приходят к промежуточным заключениям о безусловной пользе конструктивного диалога, о многогранной сложности обсуждаемых вопросов, о вероятной возможности разных путей их решения.

Предпочтительным итогом взаимного поиска согласия является не только и даже не столько победное обретение некой «истины в последней инстанции», сколько само по себе продуктивное деятельное общение. В этих случаях итог – позитивное ощущение недаром потраченного времени и предварительные результаты, стимулирующие дальнейшие поиски и обретения.

Речевой жанр совместного поиска согласия естественно и непринуждённо включает в себя элементы других хорошо известных жанрово-речевых образований – приветствия, вопроса, просьбы, разговора по душам, шутки, благодарности, извинения, объяснения, воспоминания...

Старательное общение в процессе взаимного поиска согласия – попытка сближения и даже вероятного совпадения отношений к существенным жизненным вопросам. Вот почему есть смысл провозглашать несомненные практические (нравственные, социально-психологические, экономические) преимущества этого жанра при всестороннем предварительном обдумывании дискуссионных, социально значимых проблем, например, принципов реформирования здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства или новых градостроительных проектов и др.

Для страны, прошедшей в XX в. через трагедию крупномасштабной, предельно жестокой и кровавой гражданской войны (так и не завершившейся до сей поры мирным общественным договором), жанр совместного поиска согласия особенно актуален. Кризис доверия стал в нашем обществе состоянием удручающе перманентным. Доверия к власти, к сильным мира сего, к старшим и младшим, к чужим и своим... Мрачный призрак глухого политического и идеологического противостояния бродит по страницам печати, постоянно объявляется в социальных сетях Интернета, звучит в призывах к насилию – на протестных митингах, то и дело озлобленно даёт о себе знать на повседневном житейском уровне – в процессе подозрительного и дьявольски яростного выяснения отношений по самым разным поводам и предлогам.

К риску ослабления и разрыва диалогических связей ведёт намеренное отсутствие искреннего желания хотя бы у одной из сторон общения. Любые поисковые коммуникативные усилия заведомо обрекаются на неудачу, как только тон кроткой терпимости и доверительности, расположенности и предусмотрительности сменяется на высокомерие и надменность, как только замыкает на горизонте самодовольная презрительная ультимативность.

Результаты общения не в последнюю очередь зависят от искусного владения фундаментальными основами филологической культуры. Сложно осуществимый речевой жанр совместного поиска согласия не панацея от всех бед, но один из реальных инструментов одоления опасных рисков нетерпимости, враждебного отчуждения и конфронтации.

Примечания

- ¹ Чехов А. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. М., 1978. С. 151.
- ² Белинский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 213–214.

- ³ Гоголь Н. Собр. соч. : в 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 398, 399, 400.
⁴ Там же. Т. 6. С. 231.
⁵ Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 285.
⁶ Там же. С. 286.
⁷ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 6. С. 50.
⁸ Увы, распространённая практика анонимного по преимуществу речевого общения (обсуждения, спора, комментирования и т. п.) в Рунете даёт слишком много

примеров полного игнорирования элементарных норм этики.

- ⁹ См.: Гольдин В. Этикет и речь. Саратов, 1978; Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения : пер. с англ. М., 1992; Дементьев В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 5; Формановская Н. Коммуникативный контакт. М., 2012.
¹⁰ Гоголь Н. Указ. соч. Т. 6. С. 68.

УДК 81'1

О ЗОНАХ РИСКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. А. Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: tarasovaia@mail.ru

Статья посвящена проблемным пограничным зонам филологических исследований. Обозначаются зоны риска, связанные с объектом, методами исследования и терминологическим аппаратом междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания.

Ключевые слова: риски, междисциплинарная парадигма, когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, концепт.

On the Risk Zones in Interdisciplinary Research

I. A. Tarasova

The article deals with the problematic marginal zones of philological research. Risk zones related to the object, research methods, and terminology of interdisciplinary paradigm of humanities are shown.

Key words: risks, interdisciplinary paradigm, cognitive linguistics, cognitive poetics, concept.

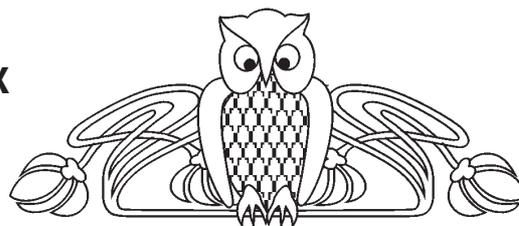
Междисциплинарный подход в филологических исследованиях – основная черта современной научной парадигмы, одно из проявлений интеграции научного знания¹.

Пограничная зона – место встречи филологии с когнитивной психологией, культурологией, социологией, антропологией, сфера диалога самих филологических наук – лингвистики и литературоведения – служат источником новых методологических импульсов, создания новых дисциплин, в частности когнитивной поэтики.

Однако междисциплинарные границы – область «ускоренных семиотических процессов»², активного смыслообразования – могут стать не только сферой научных открытий, но и зоной риска для исследователей, работающих на междисциплинарном поле.

Мы будем говорить о рисках в исследованиях, выполненных на стыке когнитивных наук, лингвистики и литературоведения.

Характеристика любой научной парадигмы содержит указание на 1) объект исследования, 2)

принятую терминологию, 3) продуктивные методы получения значимых результатов. В зону риска попадает каждый из отмеченных параметров.

Прежде всего это касается объекта когнитивных исследований, который, по определению, является ментальной сущностью. Отрыв от фактов языка как материальных носителей смысла чреват произвольностью и субъективизмом; кроме того, он заставляет исследователя «играть на чужом поле», по правилам, которыми он не вполне владеет.

На необходимости актуализации границ лингвистики в конгломерате когнитивных наук настаивает Н. Н. Болдырев, отмечая, что принцип междисциплинарности («экспансионизма» в терминологии Е. С. Кубряковой) трактуется порою слишком широко: цель лингвокогнитивных исследований усматривается в изучении работы человеческого сознания. «На современном этапе развития науки когнитивная лингвистика решает более скромную задачу – показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры»³, – утверждает один из лидеров отечественной лингвокогнитологии.

Стремление удержаться в рамках онтологической реальности языка, сфокусироваться на его «высшей реальности»⁴ – дискурсе – привело к формированию отечественной разновидности когнитивизма, которая в работах Е. С. Кубряковой получила наименование «когнитивно-дискурсивной парадигмы»⁵.

Основное методологическое требование когнитивно-дискурсивной парадигмы – «изучать любое языковое явление на перекрестке когниции и коммуникации»⁶ – невозможно реализовать без